

Научная статья

УДК 811.512.1(1-925.11/.16)
DOI 10.17223/18137083/84/18

**Метафорические модели движения времени
в алтайском языке
(в сравнении с другими тюркскими языками)**

Елена Валерьевна Тюттешева

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Аннотация

Рассматриваются модели движения времени на основе конвенциональной (стертой) метафоры «пространство – время», анализируется сочетаемость глаголов движения с наименованиями временных отрезков в алтайском языке в сравнении с другими тюркскими языками. Употребление глаголов направленного движения связано, с одной стороны, с типичным для них фазовым значением начала и конца. С другой стороны, выбор этих глаголов отражает фрагмент языковой картины мира, относящийся к представлениям данных лингвокультурных общностей о времени.

Выделяются три динамические и две статические модели. Некоторые модели движения времени, распространенные в русском языке, в алтайском (возможно, и в других тюркских языках Сибири) практически не представлены: модели, связанные с характеристикой быстрого / медленного темпа временного потока, а также синхронные модели.

Ключевые слова

тюркские языки, алтайский язык, глаголы движения, метафорическая модель движения времени, языковая картина мира

Для цитирования

Тюттешева Е. В. Метафорические модели движения времени в алтайском языке (в сравнении с другими тюркскими языками) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 255–269. DOI 10.17223/18137083/84/18

© Тюттешева Е. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 255–269
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 255–269

Metaphorical models of time flow in the Altai language: comparison with other Turkic languages

Elena V. Tyuntешеva

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Abstract

This study examines the time flow models based on a conventional (dead) “space-time” metaphor. In particular, the compatibility of motion verbs with nominations of time periods in Altai, in contrast with other Turkic languages, is analyzed. Directed motion verbs are used depending on the typical phase meaning of the beginning or end of the movement. The choice of these verbs reflects a fragment of the Altai linguistic worldview related to the ideas of these linguocultural communities about time. The Altai and Kazakh world models feature the time of annual and daily cycles moving both horizontally and vertically. The bottom is related to winter and dark periods of the day. In the Altai horizontal model, time belongs to the space where the observer is located. In the modern language, it is particularly true for the dark periods of the day. The Tuvan model has seasonal and daily cycles moving from the top to the bottom. Three dynamic and two static models can be distinguished, primarily including directed motion verbs because of the temporal flow directionality. Some models of time flow found in the Russian language are practically not represented in the Altai language and possibly also in other Turkic languages of Siberia. These models include motion verbs associated with the characterization of fast /slow time flow, as well as synchronous models. The latter may indicate a lower activity of humans within the time flow, excluding one’s life progression, in the Altai linguistic worldview compared to the Russian one.

Keywords

Turkic languages, Altai, verbs of motion, metaphorical model of time flow, linguistic World-Image

For citation

Tyuntешеva E. V. Metaphorical models of time flow in the Altai language: comparison with other Turkic languages. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 255–269. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/18

Исследователи отмечают, что «модели времени» в языках многих народов представлены в понятиях пространственной ориентации (см. [Гуревич, 1969; Bennet, 1975; Яковлева, 1994; Арутюнова, 1998; Маслова, 2005; Катунин, 2005] и др.). Термин «хронотоп» (время-пространство), указывающий на неразрывность пространства и времени, в качестве формально-содержательной категории, которая выполняет сюжетобразующую функцию, использовал М. М. Бахтин. При этом более важным в хронотопе он считал время, но в языке «большинство временных понятий первоначально были пространственными» [Гуревич, 1969, с. 110], так как пространственное восприятие мира онтологически предшествует его временному постижению [Логина, 2007, с. 61]. Одна из конвенциональных (стертых, не ощущаемых как таковые) метафор, в которых пространство осмыслено как время, – «движение времени». Она получает выражение в сочетании лексем, обозначающих отрезки времени, с глаголами движения и является наиболее типичной для разных языков.

Модели движения времени рассматривались на материале русского и некоторых европейских языков, в тюркских языках они не получили специального освещения. В исследованиях концепта *ВРЕМЯ* на материале тюркских языков, в том числе сибирских (хакасского, тувинского, якутского), анализировались в основном наименования временных промежутков, фразеологизмы и паремии [Дударева, 2005; Султанова, 2009; Борисова, 2012; Кужугет, 2014; Николаева, 2013; Чугункова, 2019]. Рассматривались также традиционные формулы, отражающие время в фольклорных текстах, героических сказаниях [Ондар, 2017]. В данной статье мы исследуем модели конвенциональной метафоры движения времени в алтайском языке в сравнении с другими тюркскими языками.

В зависимости от позиции человека и времени в модели, от их субъектно-объектных отношений Д. А. Катунин выделяет три типа метафорических моделей движения времени в русском языке: 1) динамическую модель; 2) статическую модель; 3) синхронные модели [2005, с. 11]. В динамической модели в роли субъекта движения выступает время, при этом человек оказывается в позиции наблюдателя, а «время (и его отрезки) представляются в виде материи, субъекта, движущихся мимо (или через) человека, который пассивен по отношению к этому движению» [Там же, с. 12]. Во второй же, статической, модели время уподобляется пространству, в котором движется активный субъект-человек. Третий тип моделей представляет человека и время одновременно движущимися в некоем пространстве.

Моделью, в основе которой лежит метафора движения, или метафорической моделью (ММ) движения, мы называем реализацию представлений о движении в лексическом составе и смысловой структуре сочетания, формирующих определенную семантику.

В тюркских языках имеются динамические и статические модели движения времени. Синхронные представлены единичными случаями – кальками с русского языка.

1. Динамические модели

В эту группу входят три модели: первая передает движение времени по отношению к наблюдателю, другая – движение времени относительно какого-то ориентира, третья характеризует темп движения.

1.1. ММ «Движение времени, отрезков времени относительно наблюдателя»

Субъект-время осмысливается как сущность, которая приближается к наблюдателю-человеку или удаляется от него, мимо, в прошлое. Сочетания, относящиеся к этой модели включают существительное с общим значением ‘время’, наименования отрезков времени и глаголы направленного движения (алт. *кел-* ~ хак. *кил-* ‘приходить’, алт. *кир-* ~ хак. *кiр-* ‘входить’, алт. *түш-* ~ хак. *түс-* ‘спускаться’, алт. *жет-* ‘достигать’, *јукта-* ‘приближаться’) или глагол с невыраженной ориентацией движения алт. *от-*, хак. *ирт-* ‘проходить’, который в данном контексте приобретает семантику направленности: от наблюдателя из будущего в прошлое. Употребление этих глаголов связано также с типичным для них фазовым значением начала и конца [Рубинштейн, 2002, с. 3]. При этом наблюдаются различия в сочетаемости глаголов как с названиями разного типа временных периодов (времени суток, времен года), так и внутри одного типа.

1.1.1. Сочетания с существительным алт. *ой* ‘время’ и обозначениями конкретных временных отрезков – *жыл* ‘год’, *күн* ‘день’, *чак* ‘век’. Глаголы движения при таких лексемах – алт. *кел-* ‘приходить’, *жет-* ‘достигать’, *жуукта-* ‘приближаться’, *от-* ‘проходить’, *ыра-* ‘удаляться’.

алт. *Оскö дйльör келип жат, өнгисти кубултар керек болды* (Кокышев) ‘Другие времена наступают (букв.: **приходят**), нужно наш цвет поменять’.

В тувинском языке наступление нового года обозначается глаголами *кел-* ‘приходить’ и *кир-* ‘входить’, а его уход – *ун-* ‘выходить’, *бар-* ‘уходить’, *эрт-* ‘проходить’:

Буура чыл эртти, / Бодаган чыл келди! ‘Старый год **прошел**, / Новый год **пришел!**’; *Чаа чыл кирип, / Эрги чыл унду!* [Юша, 2017, с. 312] ‘Новый год **вошел**, / Старый год ушел (букв.: **вышел!**)’; *Эрги чыл барды, / Чаа чылывыс кирди!* [Там же, с. 311] ‘Старый год **ушел**, / Новый наш год **вошел**’ [Там же, с. 313].

Конвенциональная метафора «вхождения» года имеется и в монгольском: *орох жил* ‘наступающий (букв.: входящий) год’ (БАМРС, с. 384). При этом употребление данного глагола в значении ‘наступить (о времени)’ характерно для этого языка.

Глагол *чык-* ‘выходить’ имеет в некоторых тюркских языках значение ‘заканчиваться’, о чем будет сказано ниже; ср. также алт. *сенин ойинг чыкты* (АРС, с. 855) ‘твое время вышло’ и тат. *срогы чыкты* (ТатРС, с. 644) ‘срок его вышел’ (не исключено, что в данном случае это кальки с русского языка).

1.1.2. Сочетания с названиями времен года. В алтайском языке названия времен года – *жай* ‘лето’, *яс* ‘весна’, *күс* ‘осень’, *кыш* ‘зима’ – сочетаются с глаголами движения *кел-* ‘приходить’, *жет-* ‘достигать’, *жуукта-* ‘приближаться’, *от-* ‘проходить’:

Жай келет, жайылып, / Кыш келет, кылыжын тудунып ‘Лето приходит, распускаясь, / Зима приходит, меч свой держа’ (Алтай кеп..., 2010, с. 248–249); *Кыш жууктап келет* (И. Шодоев) ‘Зима приближается (АРС, с. 214); *Жай өдүйн, алтынсары күс jedип келерде, Жергелейди Москва жаар Верховный Советтинг сессиязына алдырдылар* (Кокышев, 1980, с. 479) ‘Лето прошло, [и] когда **наступила** (букв.: достигла) золотая **осень**, Дьегелей вызвали в Москву на сессию Верховного Совета’.

Как видно из примеров, названия сезонов сочетаются с теми же глаголами, что и ранее рассмотренные существительные. Как и в алтайском языке, в хакасском, казахском и турецком в значении ‘наступить (о времени года)’ используется глагол *кил-* ~ *кел-* ~ *gel-* ‘приходить’, в хакасском также *чит-* ‘достигать’: хак. *чайгы килдi* ‘лето пришло’; каз. *көктем келдi* ‘весна пришла’; хак. *күскү читтi* ‘осень пришла (букв.: достигла)’; ср. тат. *жэди житте* ‘лето наступило (букв.: достигло)’. По-видимому, глагол ‘приходить’ для обозначения движения временных периодов универсален для многих языков. Такие сочетания, кроме тюркских, характерны для монгольского, русского, европейских языков.

Наряду с этим в разных тюркских языках сочетаемость названий времен года с глаголами движения имеет свои закономерности. Так, выделяется своей сочетаемостью лексема *кыш* ‘зима’. Кроме приведенных глаголов, она употребляется с глаголом *түй-* ‘спускаться’:

Байла, анда эмди кыш түжүйн калган болор (Кокышев, 1980, с. 367) ‘Наверное, там теперь наступила (букв.: **спустилась**) зима’.

Информанты объясняют это тем, что зимой падает снег (и со снегом приходит зима), однако в других языках, например в тувинском, этот глагол используется

в значении ‘наступать’ и в сочетании с названиями других времен года, и для обозначения изменения погодных условий (холод, жара): тув. *кыш / час / күс / чай дүштү* ‘наступила (букв.: спустилась) зима / весна / осень / спустилось лето’; *изиг дүжүп келген* настала (букв.: спустилась) жара’ (ТСТЯ, 2003, с. 524).

В казахском языке *түс-* ‘спускаться’ тоже встречается при лексеме *қыс* ‘зима’, а также *күз* ‘осень’, *суық* ‘холод’: *күз түсті* ‘наступила осень’ (КРС, 2008, с. 836), *суық түсті* ‘наступил холод’. Э. Р. Тенишев отмечает употребление *түс-* ‘спускаться’ в данном значении в хакасском языке: *паза өрiнiстiг часхы түсті* ‘настала веселая и радостная весна’ [Тенишев, 1961, с. 267], но наши информанты этого не подтверждают.

В противоположность зиме и осени лето в казахской языковой картине мира представляется выходящим или поднимающимся, так как глагол *шық-* имеет значения ‘выходить’ и ‘подниматься’: *жаз шықты* ‘наступило лето’; ср. монг. *шинэ жил гарав* ‘наступил новый год’ (*гарах* ‘выходить’, ‘наступать (о времени)’, ‘подниматься’ (БАМРС, с. 534)). В других тюркских языках глагол *чык-*, напротив, обозначает окончание временного отрезка: узб. *қиш чикди* (УРС, с. 544) ~ тур. *kiş çikti* (ТурРС, с. 187) ‘зима прошла (букв.: вышла)’; башк. *март сықты* ‘закончился март’ (АСБЯ, с. 722).

В турецком языке для выражения семантики наступления времени года используется глагол *gir-* ‘входить’: *ilkbahar girdi* ‘наступила (букв.: вошла) весна’, *yaz giriyor* ‘лето наступает’ (ТурРС, с. 688). Монгольский *орох* ‘входить’, выражая значение начала действия, также употребляется с наименованиями времен года, смены погодных условий: *сэрүү орох* ‘стать прохладным’; *дулаан орох* ‘теплеть, становится тепло’, *хаврын урь орох* ‘наступает (букв.: входит) весна’ (БАМРС, с. 383).

Таким образом, алтайский и казахский языки используют метафору движения времени как по горизонтали, так и по вертикали. Последняя отмечается для обозначения смены времен года и погодных условий, связанных преимущественно с холодом. В алтайском языке движением вниз маркируется наступление зимы. В тувинской модели движение времени происходит по горизонтали и вертикали, причем движение времен года осуществляется в ней только по вертикали вниз. При движении времени по горизонтали наблюдаются признаки замкнутого пространства, в котором находится наблюдатель и в которое вступает или из которого выходит определенный отрезок времени (год). В турецкой модели то же отмечается для наступления времен года.

1.1.3. Сочетания с наименованиями времени суток. В алтайском языке лексемы, обозначающие наступление темного времени суток – *энир* ‘вечер’, *түн* ‘ночь’, *түн ортозы* ‘полночь’, *бозом*, *бүрүнкүй* ‘сумерки, потемки’, сочетаются с глаголами движения *јукта-* ‘приближаться’, *кир-* ‘входить’, *түш-* ‘спускаться’, *өт-* ‘проходить’:

Бозом киргелек (Л. Кокышев) ‘Сумерки ещё не наступили (букв.: еще не вошли)’ (АРС, с. 120); *Кышкы энир түрген кире берди* ‘Зимний вечер наступил быстро’; *Бойы-бойлорына адаркажып, көлзөп базып жүргенче күн ажып, түн кирип калатан туру* (Ч. Чунжеков) ‘Пока, завидывая друг другу, ходят, толпясь, солнце садится, наступает (букв.: входит) ночь’ (АРС, с. 25); *Энемниг јажы јаандап, түн де түшпес, түш те болбос тала јаар мөңкүлик амыралтага јүрүп калды* (Б. Укачин) ‘Мама моя, состарившись, отправилась в место, где и ночь не опускается, и дня не бывает, на вечный покой’ (АРС, с. 69); *Түнниг талортозы өдүй те калган болзо, Јелеш кыйналып, торт ло ујуктап болбоды* (Кокы-

шев, 1980, с. 256) ‘Хотя уже **прошло полночи**, Желеш мучилась, так и не могла уснуть’.

Редко встречается сочетание с глаголом *кир*- лексемы *түйи* ‘день’:

Түйи кирерде, коңуш јоктон, / Түйи кирерде, јде јоктон, / Амырабай, баргылап јатты (Алтай баатырлар) (АРС, с. 350) ‘Когда **ночь наступала**, без ночёвки, / Когда **день наступал**, без привала / Ехали [они], не отдыхая’.

В хакасском и казахском языках наступление темного времени суток отмечается сочетанием с глаголом *түс-* ~ *түс-* ‘спускаться’: хак. *Кистегей дее наарын-зар иир түсчөткен* (Бурнаков, 1987, с. 139) ‘На основание горы Кистегей тоже **опускался вечер**’; каз. *кеш түсті* ‘вечер наступил (букв.: спустился)’, *ымырт түсті* ‘наступили сумерки’ (КРС, с. 836); ср. также башк. *караңгы төште* ‘наступила темнота’ (БРС, с. 635). В тувинском же этот глагол широко используется для обозначения движения и годового, и суточного циклов, изменения погодных условий.

В русском языке глаголы вертикального движения (вверх / вниз) маркируют темное и светлое время суток. Глаголы движения вниз (*опускаться, ложиться, сходить*) кодируют начало, наступление вечера, сумерек, ночи, а глаголы движения вверх (*вставать, всходить, подниматься*) – утра, рассвета, зари [Рубинштейн, 2002, с. 11]. Таким образом, глаголы движения и пространственно-временная лексика отражают в русской языковой картине мира представление о годовом и суточном циклах как о кругах, «расположенных вертикально, где вверху размещаются лето или день, а внизу – зима или ночь (июль – макушка лета; глубокой ночью; была в зените своей жизни)» [Катунин, 2005, с. 16]. В алтайском, казахском, хакасском и некоторых других языках прослеживается привязка темного времени суток и холодного времени года к траектории движения вниз. В тувинском же все эти природные явления, связанные с годовым и суточным циклами, представляются приходящими сверху.

1.1.4. Сочетания с указанием на возраст.

При указании на достижение какого-либо возраста в алтайском языке используется глагол *кир*-. При этом возможны две конструкции: с субъектом движения, в роли которого выступает возраст, и с субъектом движения – человеком. В динамической модели отображается ситуация, когда возраст сам приходит к человеку:

Быјыл Амырдын он эки јажы кирген ‘В этом году Амыру исполнилось 12 лет (букв.: Амыра 12 лет=его вошло)’.

Ср. монг. *арван гуравны жил орж байна* ‘приходит молодой возраст (в 13 лет)’ (букв.: тринадцатый год входит) (БАМРС, с. 43).

Такая модель не обнаружена нами ни в хакасском, ни в тувинском.

1.2. ММ «Движение времени относительно некоторого ориентира»

В этой модели субъект-время движется по отношению к некоторому ориентир-событию. Д. А. Катунин описывает данную ситуацию как «пространство, в котором два ориентира» – «место» человека (момент настоящего) и ориентир, к которому движется время. При этом между настоящим временным положением человека (моментом, который описывает данная фраза) и точкой во времени подразумевается некоторое расстояние, которое будет «преодолено». Позиция человека при этом малозначима, и время как активный деятель «в своём движении “подхватывает” человека и “приводит” (“приносит”) его к упомянутому отрезку времени» [2007, с. 13].

Je, болор, атанатан ой једин браады ошкош... ‘Ну, хватит, вроде, подходит (букв.: **достигает**) **время** отправляться...’; ...*Поездтин атанатан ойи јууктап келген сайын табыш там тыгып, не де угулбай турган* ‘...Каждый раз, когда **приближалось время** отправления поезда, шум все усиливался, ничего не было слышно’.

Мы отнесли к этой же модели и движение времени относительно ориентира, который находится в прошлом по отношению к «месту» наблюдателя-человека (момент настоящего). В этом случае время движется к нему так же, из прошлого в будущее:

Куйун токтогонынан бери јаан ой өтпөгөн, эмди айас, соок тенгериде андамында кичинек жылдыстар көгөрижип турдылар (Кокышев, 1980, с. 103) ‘С тех пор, как улегся (букв.: остановился) вихрь, **прошло** немного **времени**, теперь в ясном, холодном небе там-сям синим светом мерцали маленькие звезды’.

1.3. Модель процессного движения времени

Сочетания, которые относятся к данной модели, широко представлены в русском языке. Они включают множество глаголов с невыраженной ориентацией движения, характеризующих темп движения, уподобляющих время «человеку (время идёт, бежит), животным (время летит, ползёт), водному потоку (время течёт, льётся) и т. д.» [Катунин, 2005, с. 12]. Для тюркских языков Сибири эта модель, видимо, не характерна, она представлена единичными сочетаниями: *ой жылып јат* ‘время ползет’; сочетание *ой учып јат* ‘время летит’ воспринимается многими носителями языка как искусственное.

Ч. К. Ламажаа в монографии «Очерки современной тувинской культуры» [2021], описывая особенности пространственно-временной картины мира тувинцев и монголов, а также других народов кочевой культуры, отмечает их относительную неспешность, непунктуальность с точки зрения других народов: «В целом подобное отношение ко времени у кочевников можно назвать степным временем, которое до сих пор удивляет приезжих в Туве, в Монголии, других регионах».

2. Статические модели

В алтайском языке мы выделили две статические модели. Позицию субъекта действия в них занимает человек, который движется, преодолевая некоторый временной отрезок, уподобленный пространству, или движется до определенной точки-ориентира.

2.1. ММ «Преодоление пространства – временного отрезка»

У глагола движения *чык-* ‘выходить’ в некоторых тюркских языках (башкирском, татарском) присутствует семантика преодоления пространства: ‘переходить, переправляться, проходить, проезжать через что-л.’ (управление И. п. или В. п.), например: башк. *йылганы сук-* ‘переправиться через реку’ (БРС, с. 561), *сикте сук-* ‘перейти границу’ (АСБЯ, с. 722). Кроме того, в этих языках, а также в алтайском отмечается включающая этот глагол метафорическая модель преодоления временного отрезка. Такие сочетания выражают семантику ‘пережить что-л.’: алт. *кышты чык-*, башк. *кыш сук-* ~ тат. *кыш чык-* ‘перезимовать’ (БРС, с. 561; ТатРС, с. 644), алт. *јыл чык-* ~ хак. *чыл сук-* ‘выжить (благополучно перезимо-

вать) (ХРС, с. 542) (букв.: год выйти), т. е. если человек и скот перенесли зиму, то можно сказать, что они благополучно пережили год.

алт. «*Быжылгы кышты канайып чыгарыс?*» – деп, эрик жокто сананала, Желеш койлорын көрөргө чыкты (Кокышев, 1980, с. 251) «Как мы **переживем** нынешнюю **зиму**? – поневоле подумала Желеш [и] вышла посмотреть своих овец»; *Уйлар өлбөй жасты чыкты* «Коровы без падежа **пережили весну**»; *Көдүрткезин Каака керекке албаган – жыл чыгып калган мал жайыла тойына бербей* (Д. Каинчин) «На то, что доходяга, Каака не обратил внимания – скотина, **пережившая зиму** (букв.: год), летом поправится» (АРС, с. 368).

В этих сочетаниях выделяются наиболее тяжелые для скотовода периоды: зима и весна.

В других тюркских языках выявляется иная модель: достижение ориентира (отрезка времени), до которого продолжается движение и который достигает субъект-человек. Ориентир выражен существительным в дательном падеже:

башк. *язга сык* – «дожить до лета» (АСБА, с. 722); к.-балк. *джазгъа чык* – «дожить до весны» (КБРС, с. 740), тур. *sabaha çik* – «дотянуть (дожить) до утра (о больном)» (ТурРС, с. 187).

В алтайском модель такого типа связана с обозначением возраста человека.

2.2. ММ «Движение к ориентиру – достижение какого-либо временного отрезка»

В статической модели, в которой указывается на достижение человеком какого-либо возраста как ориентира (в дательном падеже), в алтайском языке используются глаголы *кир* – «входить» и *жет* – «достигать»:

Айару он бир жажына кирген «Айару исполнилось 11 лет (букв.: вошла в свои 11 лет)»; *Кускун-кара атка минген Кускун-Кер баатыр кижги / Журме жашка једин калтыр* (АБ) «Оседлавший иссиня-чёрного коня Кускун-Кер богатырь, / Оказывается, **достиг двадцати лет**» (АРС, с. 406).

Ср. хак. *алты часха кирген* «ему исполнилось шесть лет (букв.: вошел в шесть лет)».

Эта модель распространена в тюркских языках, различаясь в них указанием на полноту лет, как в алтайском и хакасском, или на следующий за этим возрастом год:

тув. *ооң хары чээрбиге кирген* «ему пошёл двадцатый год» (букв.: его возраст в двадцать вошел); тат. *ун икегә керде* «ему пошел двенадцатый год (букв.: в двенадцать вошел)» [Тенишев, 1961, с. 255].

Здесь ориентир осмысливается как некоторое пространство, в которое входит человек. В языках за пределами Сибири в этой модели встречается глагол *чык* – «выходить», «подниматься»:

каз. *биыл ол отызга шықты* «в этом году ему исполнится 30 лет» (букв.: в этом году он **к тридцати поднялся**) (КРС, с. 927); башк. *етмешкә сык* (АСБЯ, с. 722) «пойти (букв.: **подняться**) к семидесяти (о возрасте)»; тат. *өченче яшенә чык* (ТСТатЯ, с. 452) «[ему] пошел третий год (букв.: к третьему году **поднялся**)».

В этом случае взросление человека представлено как метафорическое движение вверх, что отражено еще в древнетюркских письменных памятниках: др.-т. *jetmiş jaşıma öntüm* «я достиг моих семидесяти лет» (*ön* – «взбираться, подниматься») (ДТС, с. 385). В такой модели «человек как бы поднимается по лестнице жизни снизу вверх, а молодость остаётся внизу» [Бардамова, 2008, с. 80].

Использование глаголов *кир-* ‘входить’ и *чык-* ‘подниматься’ в этой модели в одном и том же языке играет смысловозначительную роль: один глагол используется в ситуации достижения какого-либо возраста, а другой – приближения к сколько-то годам:

кирг. *мен элүү жашка чыктым* ‘мне исполнилось 50 лет’ (букв.: я поднялся к 50 годам) (КиргРС, с. 385); *жыйырмага жаңы кирген* ‘ему только идет 20 год (букв.: в двадцать только вошел)’ (КиргРС, с. 388).

Таким образом, движение времени здесь также имеет как горизонтальную, так и вертикальную направленность (снизу вверх). Это не является уникальной чертой только тюркских языков. Е. А. Бардамова отмечает, что «в бурятской картине мира наблюдается вертикальный отсчет времени, то есть время мыслится движущимся снизу вверх в тех ситуациях, когда речь идет о возрасте: *арбан наһа дээшэ ябаха* ‘старше на десять лет’ (букв.: быть **выше** на десять лет)» [2008, с. 80]; ср. также монг. *арван наймас дээш насны хүмуус* ‘лица старше (букв.: **выше**) семнадцати лет’ (БАМРС, с. 762). В бурятском языке представление о времени как о вертикальной оси проявляется более ярко, и «все, что будет иметь место в последующем, ассоциируется с движением вверх от точки происхождения: *морилхо дээрэ* ‘перед отъездом’ (букв.: отехать вверх)» [Там же].

Возможно, такое понимание движения от прошлого (внизу) к будущему (вверху) проявляется и в таких тюркских сочетаниях, как приведенные нами выше тур. *sabaha çik-* ‘дотянуть до утра (о больном)’ и др. с глаголом *чык-*, который совмещает в своей семантической структуре значения ‘выходить’ и ‘подниматься’.

Таким образом, движение времени в динамических и статических тюркских моделях происходит и по горизонтальной, и по вертикальной оси (снизу вверх). Направленность движения времени из будущего в прошлое, которое находится позади наблюдателя, хорошо иллюстрирует следующий алтайский пример:

Онын чала јумуп алган көзине өткөн жылдар, ундылып калган улустар, кайда да ыраак, ыраак артып калган бала өйлөри ажып турган күннинг өчөмик чоғындый, ыраактан көрүндилер ‘Ее полузакрытым глазам издали виделись, будто гаснущие лучи заходящего солнца, **прошедшие годы**, позабытые люди, где-то далеко-далеко оставшееся время (букв.: времена) детства.

Сочетание *ыраак артып калган бала өйлөри* ‘оставшиеся далеко [позади] времена детства’, указывает на ситуацию, которую можно интерпретировать как движение самого человека вперед по пути, а временные периоды как остающиеся позади него. Понимание движения времени навстречу человеку из будущего в прошлое, при котором прошлое отдаляется от него по мере движения самого человека, иллюстрирует и следующий пример: алт. *кийни ыраган, алды јууктаган* ‘то, что позади, **удалилось**, то, что впереди, **приблизилось**’, т. е. большая часть жизни прожита (о старом человеке) (АРФС, с. 132–133); ср. монг. *өмнөх нь ойртож, хойтох нь холдох* (букв.: будущее (то, что впереди) приближается, прошлое отдаляется) – ‘доживать свой век, быть близким к смерти’ (БАМРС, с. 414). Однако при анализе лексики с пространственно-временной семантикой представлении о прошлом и будущем в языковой картине мира оказывается более сложным. Так, лексема *алды* в зависимости от контекста может обозначать как ‘прошлое’, так и ‘будущее’, наречие алт. *алдында* ~ хак. *алнында* имеет значения 1) впереди; 2) раньше, прежде. Эта особенность отмечается еще в древнетюркских памятниках (*өндүн* ‘спереди’, ‘раньше’ (ДТС, с. 386)) и проявляется в некоторых современных тюркских, а также в монгольских языках (монг. *өмнөх* ‘находящийся впе-

реди', 'предшествующий', 'будущий' (БАМРС, с. 414)). В этом отношении тюрко-монгольская пространственно-временная модель соотносится с русской моделью пути (ср. *предыдущий, предстоящий*), которую Н. Д. Арутюнова описывает как движение человека «по следам своих *предшественников*», при этом он обращен лицом в прошлое и «идет в освещенное прошлое, а не в затемненное будущее» [1998, с. 690].

3. Синхронные модели

В алтайском языке нами не выявлено примеров сочетаний, которые можно отнести к синхронным моделям, представленным в русском языке, «в которых время и человек метафорически интерпретированы как движущиеся одновременно по некоему пространству» (*идти в ногу со временем, обогнать своё время, отстать от времени, не поспевать за временем*) [Катунин, 2007, с. 15]. Сочетание *жүрүмнөг астыкпа* 'от жизни не отставай' (но не *өйдег 'от времени') является калькой с русского языка:

«*Барчый, сен жүрүмнөг астыкпа. Эмди перестройканыг өйи*» (А. Ередеев) '«Барчий, ты не **отставай от жизни**. Сейчас время перестройки»' (АРС, с. 89).

Возможно, наличие этих моделей в русском языке говорит о большей активности человека во временном потоке в русской языковой картине мира.

Таким образом, в алтайском языке выделяются три динамические и две статические модели, что показывает большую активность субъекта движения-времени в языковой картине мира алтайцев. В сочетаниях, относящихся к этим моделям, используются в основном глаголы направленного движения в силу направленности самого временного потока. Время в алтайской языковой картине мира представляется как движущаяся из будущего в прошлое субстанция или как некоторое пространство, в которое может войти человек. Человек также движется по пути вперед, в будущее, оставляя позади отрезки времени, события в них. Но, как и в русской языковой картине мира, прошлое оказывается и перед человеком, впереди него, что, вероятно, отражает цикличность времени.

Годовой и суточный цикл движется как по горизонтальной, так и по вертикальной оси. С низом этой оси связывается холодное время года и темное время суток, в казахской модели, возможно, с движением вверх ассоциируется приход лета. В алтайской модели движения времени суток по горизонтали оно входит в пространство, в котором находится наблюдатель. В современном языке это в большей степени относится также к темному времени суток. В тувинской модели весь цикл смены времен года и суточного времени оказывается нисходящим сверху. Для некоторых других тюркских языков (например, турецкого), актуальна, видимо, только горизонтальная модель движения времен года. Для монгольских языков характерна модель «вхождения» годового цикла.

Время жизни, возраст человека также входит в пространство человека, либо человек входит в пространство, охватываемое определенным возрастным периодом, достигает его. В модели времени некоторых тюркских языков за пределами Сибири человек движется по восходящей линии возрастных периодов своей жизни. Вертикальный отсчет времени особенно характерен для монгольских языков.

Некоторые модели движения времени, распространенные в русском языке, в алтайском и, скорее всего, в других тюркских языках Сибири практически не представлены. Это модели, включающие глаголы движения, которые связаны

с характеристикой быстрого / медленного темпа временного потока, а также синхронные модели. Последнее, возможно, указывает на меньшую активность человека во временном потоке (исключая движение к периодам *своей* жизни) в алтайской языковой картине мира, чем в русской.

Список сокращений

алт. – алтайский; башк. – башкирский; каз. – казахский; к.-балк. – карачаево-балкарский; кирг. – киргизский; монг. – монгольский; тат. – татарский, тув. – тувинский; тур. – турецкий; узб. – узбекский; хак. – хакасский

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 687–695.

Бардамова Е. А. Модели времени в бурятской языковой картине мира // Вестник Читин. гос. ун-та. 2008. № 6 (51). С. 77–82.

Борисова И. З. К проблеме особенностей феномена времени в языковой картине мира народа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 63–70.

Гуревич А. Я. Время как проблема культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 105–116.

Дударева З. М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 365 с.

Катунин Д. А. Время в зеркале русской языковой метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 29 с.

Катунин Д. А. К вопросу об определении движения времени в русской языковой картине мира // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1 (1). С. 11–17.

Кужугет Ш. Ю. Лексико-семантическое поле «природное время» в прозе К.-Э. К. Кудагы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 263 с.

Ламажая Ч. К. Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История, 2021. 190 с.

Логина Е. Г. Модели концептуальной метафоры «пространство – время» в семантике английского языка // Иностранные языки в высшей школе. 2007. № 5. С. 61–70.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. Минск: Театра Системс, 2005. 256 с.

Николаева А. М. Метафорическая репрезентация концепта «время» в якутском языке // Наука и образование в жизни современного общества. Тамбов: Изд-во «Бизнес. Наука. Общество», 2013. Ч. 17: Материалы Междунар. НПК. С. 132–133.

Ондар М. В. Стандарты, отражающие время в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 157–163.

Рубинштейн Г. А. О метафорическом представлении отрезков времени в русском языке. 2002. URL: https://slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/3rubin_stein.original.pdf (дата обращения 02.07.2023).

Султанова Л. Ю. Концепт «время» в кумыкской и русской языковых картинах мира: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 156 с.

Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 232–293.

Чугунова А. Н. Категория времени в языковой картине мира хакасов и тувинцев (сравнительный аспект) // Вестник СВФУ им. М. К. Амосова. 2019. № 1 (13). С. 50–60.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2017. 434 с.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: ЯСК, 1994. 345 с.

Bennett D. C. *Spatial and Temporal uses of English Prepositions. An Essay in Stratificational Semantics*. London, 1975. 235 p.

Список словарей

АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.

АРФС – Алтайско-русский фразеологический словарь. Горно-Алтайск, 2005.

АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. Уфа, 2015. Т. 7.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001–2002.

БРС – Башкирско-русский словарь / Под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус. яз., 1996.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

КРС – Казахско-русский словарь. Алматы: Дайк-Пресс, 2008.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989.

КиргРС – Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. Т. 1.

ТатРС – Татарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989.

ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1.

ТурРС – Большой турецко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1998.

УРС – Узбекско-русский словарь. Ташкент, 1988.

ХРС – Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006.

Список текстовых источников

Алтай кеп ле укаа сѳстѳр (Алтайские пословицы и поговорки) / Сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010. 268 с.

Бурнаков Ф. Т. Пора тай нанчым. Абакан, 1987. 166 с.

Кокышев Л. В. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980. 495 с.

References

Arutyunova N. D. *Vremya: modeli i metafory* [Time: models and metaphors]. In: Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1998, pp. 687–695.

Bardamova E. A. *Modeli vremeni v buryatskoy yazykovoy kartine mira* [Time models in the Buryat language picture of the world]. *Bulletin of Chita State University*. 2008, no. 6(51), pp. 77–82.

Bennett D. C. *Spatial and temporal uses of English prepositions. An essay in stratificational semantics*. London, 1975, 235 p.

Borisova I. Z. K probleme osobennostey fenomena vremeni v yazykovoy kartine mira naroda [To the problem of peculiarities of time phenomenon in the linguistic picture of the world of people]. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2012, no. 14, pp. 63–70.

Chugunekova A. N. Kategoriya vremeni v yazykovoy kartine mira khakasov i tuvintsev (sravnitel'nyy aspekt) [The category of time in the linguistic picture of the world of Khakasses and Tuvinians (comparative aspect)]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2019, no. 1 (13), pp. 50–60.

Dudareva Z. M. *Kontrastivnoe issledovanie kontseptual'noy sfery "Vremya" v russkoy i bashkirskoy yazykovykh kartinakh mira* [Contrastive study of the conceptual sphere "Time" in the Russian and Bashkir language pictures of the world]. Dr. philol. sci. diss., Ekaterinburg, 2005, 365 p.

Gurevich A. Ya. Vremya kak problema kul'tury [Time as a cultural problem]. *Voprosy Filosofii*. 1969, no. 3, pp. 105–116.

Katunin D. A. *Vremya v zerkale russkoy yazykovoy metafory* [Time in the mirror of Russian linguistic metaphor]. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Tomsk, 2005, 29 p.

Katunin D. A. k voprosu ob opredelenii dvizheniya vremeni v russkoy yazykovoy kartine mira [To the definition of time movement in the Russian linguistic picture of the world]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2007, no. 1 (1), pp. 11–17.

Kuzhuget Sh. Yu. *Leksiko-semanticheskoe pole "prirodnoe vremya" v proze K.-E. K. Kudazhy* [Lexical-semantic field "natural time" in the prose of K.-E. K. Kudazhy]. Cand. philol. sci. diss., Moscow, 2014, 263 p.

Lamazhaa Ch. K. *Ocherki sovremennoy tuvinskoy kul'tury* [Essays on modern Tuvan culture]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2021, 190 p.

Loginova E. G. Modeli kontseptual'noy metafory "prostranstvo–vremya" v semantike angliyskogo yazyka [Models of conceptual metaphor "space–time" in the semantics of the English language]. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2007, no. 5, pp. 61–70.

Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika. Ucheb. posobie* [Cognitive linguistics: textbook]. Minsk, Tetra Systems, 256 p.

Nikolaeva A. M. Metaforicheskaya reprezentatsiya kontsepta "vremya" v yakutskom yazyke [Metaphorical Representation of the Concept of Time in the Yakut Language]. In: *Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obshchestva* [Science and education in modern society]. Tambov, "Biznes. Nauka. Obschestvo", 2013, pt. 2: Materialy Mezhdunar. NPK [Materials of the International Academic and Practical Conference]. pp. 132–133.

Ondar M. V. Standarty, otrazhayushchie vremya v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh [Standards representing time in Tuvan heroic legends]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 1(67), pt. 2, pp. 157–163.

Rubinshtein G. A. *O metaforicheskom predstavlenii otrezkov vremeni v russkom yazyke* [On the metaphorical representation of time segments in Russian]. 2002. URL: https://slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/3rubinsteinstein.original.pdf (accessed 02.07.2023).

Sultanova L. Yu. *Kontsept "vremya" v kumyjskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira* [Concept "time" in the Kumyk and Russian linguistic pictures of the world]. Cand. philol. sci. diss., Makhachkala, 2009, 156 p.

Tenishev E. R. Glagoly dvizheniya v tyurkskikh yazykah [Verbs of motion in Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, 1961, pp. 232–293.

Yakovleva E. S. *Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)*. Moscow, LRC Publishing House, 1994, 345 p.

Yusha Zh. M. *Folklore and ritual of the Tuvinians of China in the early 21st century: structure, semantics, pragmatics*. Dr. philol. sci. diss., Novosibirsk, 2017, 434 p.

List of dictionaries

Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2015, vol. 7.

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altai, 2018.

Altaysko-russkiy frazeologicheskiy slovar' [Altai-Russian phraseological dictionary]. Gorno-Altai, 2005.

Bashkirsko-russkiy slovar' [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow, Digora, Rus. yaz., 1996.

Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 2001–2002.

Bol'shoy turecko-russkiy slovar' [Great Turkish-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1998.

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Türkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969.

Karachaevo-balkarsko-russkiy slovar' [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1989.

Kazakhsko-russkiy slovar' [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty, Dayk-Press, 2008.

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006.

Kirgizsko-russkiy slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1965, vol. 1.

Tatarsko-russkiy slovar' [Tatar-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1989.

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, vol. 1.

Uzbeksko-russkiy slovar' [Uzbek-Russian dictionary]. Tashkent, 1988.

List of text sources

Altay kep le ukaa söstör [Altai proverbs and sayings]. N. R. Oynotkinova (Comp.). Novosibirsk, 2010, 268 p.

Burnakov F. T. *Pora tay nançym*. Abakan, 1987, 166 p.

Kokyshev L. V. *Altaydyñ kystary*. Gorno-Altai, 1980, 495 p.

Информация об авторе

Елена Валерьевна Тюнтешева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID K-6651-2017

RSCI Author ID 108329

Information about author

Elena V. Tyuntешеva, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6651-2017
RSCI Author ID 108329

*Статья поступила в редакцию 29.06.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023
The article was submitted on 29.06.2023;
approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 18.07.2023*